

Вовка рисовал всегда! И уже совершенно точно – сколько себя помнил. А помнил он себя сызмальства.

– Вот будто не было ничего, буквально. Тут раз, уже сестра журит меня тихонько, чтобы, видать, не испугать, но убедительно: «Я же просила тебя не трогать мой альбом, ну просила! Вон сколько тебе листов подарила со старыми картинками, рисуй, сколько влезет! И краски тоже не жалко... Зачем же суёшься в мой новый альбом?»

Вовка Кузин, сейчас уже взрослый, самостоятельный мужик, живущий один в небольшом, но опрятном доме на окраине широкой деревни, вспоминал соседа, который пришёл «посидеть»:

– А мне непонятно, рисунок уже есть – на другую сторону не интересно! Больше того, акварели лист насквозь мочили, свою картинку, как хочешь, уже не поместишь...

Сосед, зашедший совсем не за этим, заметно уже тосковал и злился:

– Вот, долдон, сколько время зря тратит да денег! И на что? На игру детскую... Когда успевает хозяйством заниматься, не понять...

Он округло, из-под склонённой головы осматривал порядок в ограде и дальше, сколько мог, в огороде. Хозяин же не замечал раздражённого невнимания соседа и продолжал, уже тыкая в лист, лежавший на гладком столе под лёгким летним навесом, где они и сидели.

– Смотри. Что может быть красивее, чем жизнь вокруг нас, чем свобода бесконечная, в даль уходящая! И ничего

более не надо, только этот момент, когда в душу кольнуло, остановить. Я же рисую вроде долго, целый день, но один запомнившийся миг, один взгляд.

Вовка не говорил о своём хобби – «пишу», хоть и работал красками. Вот рисует он, и всё тут понятно и доступно.

– Я его, этот момент, меня поразивший, поймал и целый день, а то и два, им живу, его неизменность помню, только в него вкладываюсь. И, гляди, иногда так здорово получается, просто сердце захоластывает, как хорошо!

Восторженный художник совал измазанный лист соседу в руки и, улыбаясь, ждал. Тот, всю жизнь занимающийся свиньями на колхозной свиноферме, не понимая радости Вовки, смотрел на рисунок, вздыхал и выдавал:

– Ну, красиво... Токо, где жизнь здесь, не вижу. Ну вот – земля, дальше, вроде море, тама снова, как бы, серо... Нарисовал бы человека какого с краю, или на крайний случай бабу цветную вдалеке. А то можно и свинью! Тоже ведь какая ни есть, а жизнь, не отнять...

Вовка, закипая глазами и сдерживая крик, уже в сотый раз, как было почти всегда, объяснял:

– Зачем сюда баба, объясни мне, глупому? Или ещё хлеще – свинья живая? Тут же и так, без этого всего, жизни полно, свободы, воли... Красок, в конце концов!

Сосед нервно вскакивал, часто ступая пробежал до калитки и уже оттуда выкрикивал:

– Да пошёл ты, художник! Волю он рисует, свободу... А жрать ты чего будешь, когда приспичит? Вот и я про тоже... А то душа-а!.. Да кишки прижмёт, ты и не вспомнишь, где она у тебя живёт... душа.

Он не оборачиваясь убегал домой, забыв, что навещал «художника» с предложением всего лишь съездить в выходной по дрова. Вдвоём-то оно сподручнее...

Вовка не обижался. Все в деревне знали, что Кузин рисует. И этот факт ни у кого уже не вызывал удивления или, ещё больше, каких претензий. Дело своё – а работал он плотником в колхозной бригаде – мужик знал, был лёгок на подъём, не ленив и к тому же не пил! А то, что рисует свои картинки в любую свободную минуту – его дело, хозяйское. Иногда, как отзывались «компетентные» люди из числа местной интеллигенции, картины получались действительно красивыми и понятными. Такие он дарил односельчанам или даже в клуб, а то и в школу, где тоже брали и вывешивали в длинных, серых коридорах, заодно закрывая ими облупленные стены.

Но всё чаще и чаще, с большим для себя удовлетворением, стал он выдавать художества, ранее земляками невиданные: то дали какие-то необъятные, моря в небо уходящие, или вообще полосы слоями цветными, словно матрасы китайские. И самое интересное, что картинка, когда он вкладывал её в собственноручно подтемнённую дубовой морилкой рамку, приобретала желаемую законченность. Эта «мазня», как смеялись многие, видевшие его за самодельным мольбертом вечером в лесу или на низком берегу их тихой речки, становилась картиной, чем-то более серьёзным, не легкомысленным, требующим внимания.

Поэтому однажды Татьяна Ивановна, заведующая местным клубом, влекомая лучшими намерениями, отправила одну из его работ на областной смотр-конкурс. И чтобы сделать приятное, написала обратный его, Вовкин, адрес.

...Совсем уже осенью, в цветном и торопливом октябре, в субботу с утра Вовка Кузин прикатил на реку. В этом месте она разливалась широкой и довольно глубокой заводью, проросшей по заберегам густым камышом. За камышом – полукруглым озерцом тёмная вода, с редкими, не утонувшими ещё на зиму островками ряски. Вчера он проезжал здесь вечером

и так засмотрелся на красное, закатное солнце, собирающееся нырнуть в тёмную, уходящую за жёлто-серые мётлы камыша воду, что едва не свалился с мотоцикла. Промучившись в творческом нетерпении ночь, с утра управившись по хозяйству, к одиннадцати дня он был именно на этом месте. Но странно, сейчас тут всё было совершенно по-другому, без той, поразившей его недавно, неизбежности движения времени, как-то очень уж просто, даже игриво... Солнце, словно опомнившись, палило по-летнему, насекомые, отогревшись от прохладной ночи, прыгали вокруг, шелестели и сустились по опавшей листве. А деревья за речкой – цветные и радостные, будто деревенские бабы в цветных сарафанах на весёлом празднике!

Вовка постоял, растерянно осматривая местность, и, разочаровавшись в природе, решил приехать ещё раз – вечером...

У дома его ждала местная почтальонка тётя Люба, только что выскочившая из его же ограды. Говорливая почтальонка заулыбалась навстречу:

– Уже думала, пойду. Ящика нет у тебя, и приходится вот так мучиться. Раньше-то они у всех были. Не письма, так газеты обязательно выписывал народ и читал. Сейчас нет того, телевизор всё, радио... Только я всё одно, если приходится, почту в руки получателю отдаю. Отвыкли люди от бумажных новостей: сунешь газету, а может, письмо в ящик или между штакетин в заборе заткнёшь, и, считай, выбросил. Хозяин даже не заметит. А раньше каждый вечер обязательно почту проверяли, ждали! – она, разговаривая, нашла в худой сумке письмо и, отдав его Вовке, быстро пошла вдоль заборов до следующего счастливого адресата.

Парень, удивлённо перепроверив адрес, привалил мотоцикл к забору и, не снимая с шеи ремня от запакованного самодельного мольберта, стал читать казённый, напечатанный текст:

«Здравствуйте, Владимир (отчество Вы не сообщили). Жюри нашего конкурса, состоящее из... – Вовка быстро перескочил глазами чужие ему имена и регалии членов жюри, – ознакомилось с Вашей работой и единодушно отметило: Ваша работа стилистически и художественно не соответствует заданным условиям. В связи с вышеуказанным работа в конкурсе представлена не будет. По возврату произведения звоните по телефону...»

Вовка, не дочитав до конца, сел на крыльцо. Немного посидел отстранённо, вздохнув, снова развернул листки. И только перечитав письмо ещё раз, а затем уже внимательно в третий, он уяснил: одна из его работ оказалась на конкурсе, и ему сообщают, что его картина не имеет художественной ценности.

Парень, посидев немного, бросил на ступеньку письмо, снял мольберт и, повесив его на привычное место под крышку, зашёл в дом.

Не испытываемая раньше обида или, скорее, чувство, похожее на стыд, защемило душу, а вслед за этим – отчаянный, до боли в скулах, протест: «Да что они там увидели, если так говорят... и главное, как увидели? Я же никуда не посылал, зачем мне?...»

Вовка, не разуваясь, проскочил в спальню, где хранились уже готовые к жизни, как он сам считал, его картины, в самодельных штакетных рамках. Ещё раз оглядев расставленные на полу вдоль стен «художества», неожиданно для себя открыл окно и стал выбрасывать всё в палисадник. Картины игриво планировали и падали на сухую, серую траву цветными пятнами, словно карнавальными лампочками оживляя осенний огород.

Он, ничего этого не замечая, схватил уже кисточки, собранные вверх хвостами в банке, и, вытряхнув их за подоконник, захлопнул окно.

– А ну и не надо, если не хотите! Мне суеты меньше и хлопот. И пыли... – парень облегчённо вздохнул, осмотрел враз опустевшую комнату и, уже не сдерживая себя, упав лицом на кровать, затих.

...Дед будил Вовку осторожно, стараясь не растревожить спящую с ним в комнате сестру. Пятилетний внук вчера слёзно просился с ним на рыбалку, увлечённый дедовым рассказом об утренних карасях. И даже то, что встать нужно до зари, ещё по темноте, внука не пугало.

– Я одёжу с вечера соберу, ты меня немного ткни, я быстро встану, как солдат, – малец неотступно ходил за стариком, – удочку мне папка уже давно приготовил, а червяков сейчас накопаю в огороде!

Утром, на удивление деда, мальчишка проснулся быстро, и уже через несколько минут они, взявшись за руки, шли в сторону пахнущего тиной и прохладой озера.

Старый рыбак ловко размотал леску и, наживив крючки, забросил снасти в воду. Затем, подстелив свёрнутую овечью шкуру на прилаженную в берег дощатую лавочку, они уселись напротив торчащих штырьками из воды поплавок.

– Сиди тихо, карась с солнцем придёт.

И Вовка смотрел слезящимися от сна глазами на чёрное в темноте гусиное перо.

Он, прислонившись к тёплому дедову плечу головой, уже стал засыпать, как вдруг тихое озеро вздохнуло. По гладкой воде с востока зашевелились мелкие, чешуйчатой рябью волны, и лёгонький ветер, первым шевельнув поплавки, следом разбудил спящий камыш. Мальчишка вздрогнул, но дед, успокаивая, прошептал:

– Нет ещё, не торопись. Сейчас время солнышку вставать, а потом уж всем его детям!

Тонкая полоска солнца, вынырнувшая над горизонтом, резанула по глазам нестерпимым светом и теплом. Лес вокруг словно ждал этого момента и, осязаемо задышав, проснулся!

Вовка восхищённо охнул, неосознанно подавшись вперёд, навстречу невиданному раньше действию.

– Вот, внук, вот что важнее и правильнее всего! Вижу, ты это увидел и понял. Так не забудь, и детям своим обязательно покажи! – и дед уютно прижал его к себе.

...Парень открыл глаза. Малюсенький китайский будильник, тикая тихо и торопливо, тонкими стрелками показывал четыре часа. В сознании чётко стояли слова деда, услышанные очень давно: «И детям своим покажи».

Вовка, больше не колеблясь вскочил, громко хлопнув дверью, и, накинув на шею ремень мольберта, побежал к мотоциклу.

Тяжёлое, совсем не горячее, краснощёкое солнце уже склонилось к приходящей с запада воде. Там, далеко в горах, река, собрав в своё русло тысячи речушек и ручейков, теперь несла себя людям. И именно туда, в устье, хочет нырнуть солнце, чтобы за ночь, проплыв по течению, вынырнуть на востоке ярким и умытым!

Оно красным блином плавно подкатилось к воде, секунду задержалось у края и, выдохнув, стало неумолимо тонуть, мерцая испаряющимся вокруг паром. Оно уходило! Уходило, озаряя даль и небо последним красным, обреченно тонуло, ещё немного светясь в воде, и, наконец, погасло. Вечер без солнца померк, став серым, сохраняя ещё на несколько минут рассеянный свет и позволяя каждому завершить своё сегодняшнее дело.

Именно в эти минуты Вовка, восхищённый увиденным, отбросил сомнения и нанёс первый уверенный мазок.